

ИНТЕЛЛЕКТ КАК РЕСУРС СОВЛАДАНИЯ С ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИМ СТРЕССОМ

ЛОЧЕХИНА Л.И., Архангельский областной психоневрологический диспансер, Архангельск, Институт психологии РАН, Москва

ПАДУН М.А., Институт психологии РАН, Москва

Настоящая работа посвящена вопросам изучения интеллекта как одного из копинг-ресурсов преодоления последствий травматического стресса, возникшего вследствие участия в боевых действиях. Результаты исследования свидетельствуют о том, что общий интеллект отрицательно взаимосвязан с выраженностью признаков посттравматического стресса. При этом уровень интеллекта является опосредующим звеном между уровнем выраженности посттравматического стресса и показателями нейротизма.

Ключевые слова: посттравматический стресс, интеллект, нейротизм.

Одно из современных направлений в развитии теории психологического стресса связано с разработкой ресурсного подхода (Бодров, 2006а). П. Вонг отмечает, что «преодоление стресса является эффективным в той степени, в какой человек располагает и может использовать соответствующие ресурсы и стратегии преодоления» (Wong, 1993). Ресурсы являются теми физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения или купирования стресса (Бодров, 2005, 2006а, 2006б). Анализируя соотношение понятий «ресурс» и «защитный фактор», С. А. Хазова считает необходимым рассматривать ресурсы во взаимодействии с ситуацией (например, стрессовой); именно в этом случае и будет проявляться ресурсная роль того или иного защитного фактора (Хазова, 2010).

Все большее признание в литературе находит роль интеллектуальной деятельности как в развитии психологического стресса, так и в формировании копинг-стратегий его преодоления (Бодров, 2006б). Такая точка зрения базируется, с одной стороны, на общепризнанных концепциях об адаптационном значении интеллекта (Ж. Пиаже, В. Штерн, Р. Стернберг, К. Ясперс), а с другой стороны, на теоретико-практических сведениях о том, что психические расстройства вызывают нарушения в интеллектуальной сфере. В зарубежной литературе многие исследования посвящены проблеме нарушений или дефицита когнитивной обработки травматической информации (напр.: Horowitz, 1976; van der Kolk, Flesler, 1995; Brewin et al., 1996; Vasterling et al., 1998; Ehlers, Clark, 2000; Murray et al., 2002; Halligan et al., 2002; Horner, Hamner, 2002; Halligan et al., 2003; Yehuda et al., 2004; McNally, 2006; Ehrling et al., 2008). При этом сравнительно немногие работы говорят о роли общего интеллекта в развитии посттравматического стресса. Так, например, в исследовании Дж. Харта с соавторами (Hart et al., 2008) изучалась когнитивная дисфункция, ассоциированная с наличием посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Результаты исследования с участием бывших военнопленных Второй мировой войны показали, что те из них, кто отличался более высокими показателями выраженности ПТСР, имели средний уровень интеллекта, в то время как другая группа исследуемых лиц, для которых была характерна низкая выраженность (или отсутствие) признаков ПТСР после сходного травматического опыта, об-

ладала коэффициентом IQ выше среднего. Авторы пришли к выводу, что высокий IQ, видимо, защищает индивидов, подвергшихся травматическому опыту, от развития ПТСР в отдаленном периоде, в то время как когнитивная дисфункция развивается вместе с ПТСР или позднее ПТСР (Hart et al., 2008).

Используя метод близнецов, М. Гильбертсон и его коллеги (Gilbertson et al., 2006) представили убедительное свидетельство того, что дотравматическое когнитивное функционирование может являться хорошим прогностическим фактором вероятности развития ПТСР вследствие влияния травматического события. Отмечено, что ветераны с ПТСР справлялись с батареей тестов IQ и других нейрокогнитивных тестов так же хорошо, как их идентичные братья, но хуже, чем ветераны без ПТСР и их идентичные близнецы. Результаты данного исследования позволяют сделать несколько важных выводов: во-первых, травматический опыт оказывает незначительное влияние на IQ или не оказывает его совсем; во-вторых, показатели интеллекта могут являться предикторами развития ПТСР; в-третьих, у лиц с высокими показателями IQ развитие ПТСР менее вероятно (Gilbertson et al., 2006).

М. Маклин с соавторами (Macklin et al., 1998) обнаружили, что у лиц, уровень интеллекта которых до участия в войне был относительно низким, значительно чаще могут быть диагностированы симптомы ПТСР, чем у группы лиц, обладавших до участия в военных действиях более высоким интеллектом. В результате проведенного исследования была отклонена гипотеза о том, что наличие посттравматической симптоматики приводит к снижению успешности выполнения интеллектуальных тестов, поскольку не было обнаружено значимой корреляции между выраженностью признаков посттравматического стресса и различием между довоенным и текущим интеллектом.

Результаты работы исследовательской группы (см.: Vasterling et al., 2002) показали, что ветераны Вьетнама с диагнозом ПТСР менее успешно справлялись с интеллектуальными задачами, а также, что высокий преморбидный интеллектуальный ресурс коррелировал с более низкими значениями ПТСР по Миссисипской шкале (при статистическом контроле уровня интенсивности боевого опыта). Данные этого исследования совместно с результатами других исследований (см.: McNally, Shin, 1995; Macklin et al., 1998) свидетельствуют о том, что соотношение между интеллектуальным функционированием и тяжестью симптомов ПТСР не может быть объяснено только приобретенным когнитивным дефицитом. Анализируя полученные данные о том, что лица с относительно меньшим IQ находятся в группе повышенного риска развития ПТСР (Vasterling et al., 2002), авторы предполагают, что интеллект служит потенциальным защитным ресурсом, позволяющим предотвратить развитие посттравматического стрессового расстройства.

Таким образом, данные зарубежных исследований показывают, что низкий уровень преморбидного интеллекта выступает предиктором развития посттравматического стрессового расстройства. Рассматривая интеллект в качестве защитного фактора, ресурса преодоления и совладания, можно выдвинуть предположение о том, что развитые интеллектуальные способности позволяют осмыслить травматический опыт в индивидуальном ключе как полезный и интегрировать его в структуру личности (Вигура, 2003).

Проведенный анализ литературы показал, что в отечественной психологии подобные исследования не представлены. Тем не менее отечественные ученые, занимающиеся проблемой интеллекта, рассматривают его в качестве основных потенциалов развития субъекта. Так, В. Н. Дружинин представляет общие способности как «ресурсы», характеризующие когнитивные возможности индивида (интеллект, обучаемость, креатив-

ность). Когнитивный ресурс как теоретический конструкт позволяет, в свою очередь, объяснить влияние общего фактора интеллекта на индивидуальную продуктивность субъекта (Горюнова, Дружинин, 2000, 2001).

Результаты исследования, проведенного в рамках ресурсно-информационного подхода А. А. Алексапольским, показывают, что испытуемые с высоким интеллектуальным ресурсом отличаются не столько выраженностью каких-либо определенных стратегий, сколько гибкостью и большей вариативностью в выборе широкого спектра стратегий совладания разного типа (Алексапольский, 2007).

Работа интеллекта позволяет человеку строить разные варианты «картины мира», которые могут быть представлены в индивидуальном ментальном опыте в терминах эмпирических наблюдений, теоретических обобщений или иррациональных описаний (Холодная, 2002). После травмы субъекту приходится фактически заново воссоздавать с учетом травматического опыта целостную систему ментальных репрезентаций действительности или антиципирующих когнитивных схем, составляющих структуру его субъективного жизненного пространства.

Л. В. Виноградова рассматривает интеллектуальный контроль в качестве одного из механизмов адаптивного/дезадаптивного социального поведения. Как интегральная характеристика индивидуальных интеллектуальных ресурсов, интеллектуальный контроль обеспечивает эффективность психологической регуляции поведения, а также устойчивость адаптационных возможностей личности в эмоционально трудных ситуациях (Виноградова, 2004, 2010).

Известно, что восприятие того или иного психологического воздействия как стрессового, непосредственная или отдаленная реакция на это воздействие, механизмы совладания с психической травмой во многом зависят от индивидуально-личностных особенностей человека (Тарабрина, 2003). В частности, Г. Айзенк в своей модели обусловливания неврозов показал, что у людей с высоким нейротизмом и низкой экстраверсией существует большая предрасположенность к неврозам, так как они более эмоционально реагируют на возбуждающие стимулы и дольше сопротивляются угасанию этих реакций (Айзенк, 1999). Ряд исследователей, изучая возможность прогнозирования развития ПТСР на основании диагностики личностных черт и составления личностного профиля субъекта, пришли к выводу, что менее подвержены влиянию травмы активные, энергичные, устойчивые и выносливые люди. А те, кто имеет высокие показатели по нейротизму и интроверсии, более подвержены влиянию травматического опыта (Pitman et al., 1999).

Основную гипотезу исследования составило предположение о том, что интеллект как ресурс опосредует взаимосвязь выраженности посттравматического стресса с личностными особенностями комбатантов, в частности с нейротизмом.

Цель эмпирического исследования – изучение влияния показателей интеллекта и личностных характеристик на степень выраженности посттравматического стресса у ветеранов боевых действий.

Задачи исследования:

1. Исследование сопряженности психометрического интеллекта со степенью выраженности посттравматического стресса.
2. Анализ опосредующей роли интеллекта во взаимосвязях между степенью выраженности посттравматического стресса и уровнем нейротизма.

Методика

Испытуемые. Исследование проводилось методом поперечного среза. Участниками исследования являлись ветераны боевых действий в Афганистане и Чеченской Республике без признаков органического поражения мозга и психических расстройств, без ранений или с ранениями легкой и средней степени тяжести в анамнезе (на основе данных истории болезни и самоотчетов испытуемых). Исследование проводилось с каждым участником строго индивидуально в течение двух сессий. Заблаговременно респондентам разъяснялся порядок исследования, его цель, подтверждалось их согласие на участие. Во время первой сессии каждый испытуемый отвечал на вопросы, касающиеся социально-демографического статуса, проходил тест Шульце (с целью исключения попадания в выборку лиц с нарушениями когнитивной сферы) и выполнял методику Стандартные Прогрессивные Матрицы (СПМ) Дж. Равена. Во время второй сессии испытуемым предлагалось заполнить следующий пакет методик: Миссисипскую шкалу для оценки посттравматических реакций (военный вариант), Личностный опросник Big Five (форма S) в адаптации С. Д. Бирюкова, а также методики, оценивающие структуру смысло-ценностных ориентаций испытуемых (результаты изучения смысло-ценностных ориентаций не вошли в данную статью, опубликованы ранее: Лочехина, 2010).

Всего в исследовании приняли участие 155 человек (добровольцы), мужчины, средний возраст исследуемых составил $41,79 \pm 6,26$ года. Среди респондентов 97 человек (63%) имеют высшее образование, 54 человека (35%) – среднее и среднее специальное образование, 4 человека (2%) – незаконченное высшее образование.

1. Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (военный вариант). В настоящее время она является одним из наиболее широко используемых инструментов для измерения степени выраженности признаков посттравматического стресса. Содержащиеся в опроснике пункты направлены на определение симптомов вторжения, избегания, физиологической возбудимости, выявление чувства вины и суицидальности. Оценка результатов производится суммированием баллов, итоговый показатель позволяет выявить степень воздействия травматического опыта на индивида. За свою более чем двадцатилетнюю историю методика доказала практическую значимость, проведенные исследования показывают, что Миссисипская шкала обладает необходимыми психометрическими свойствами, а высокий итоговый балл указывает на значительную интенсивность проявления признаков ПТСР (Практикум..., 2001).

2. Методика Стандартные Прогрессивные Матрицы Дж. Равена (Равен, 2001; Равен и др., 1997; Равен и др., 2002). Она включена в исследование как одна из лучших и доступных методик для оценки общего интеллекта. Дополнительным доводом в пользу выбора данной методики стал тот факт, что ее референтный индекс выявляет способность субъекта к самообучению в процессе собственно интеллектуальной деятельности при отсутствии прямых инструкций, что позволило сопоставить способность к имплицитной обучаемости с выраженностью посттравматического стресса. В настоящем исследовании рассматривались три основных показателя: количество успешно выполненных задач; количество заданий, выполненных испытуемым за отведенное время (время выполнения методики ограничивалось 20 мин); сумма рангов сложности правильно решенных заданий. Последний показатель был введен в статистическую обработку в связи с уже приведенными в различных исследованиях данными о его лучшей дифферен-

цирующей способности по сравнению с показателем, не учитывающим сложности задания (Дружинин, 2007).

3. Личностный опросник Big Five (форма S) в адаптации С.Д. Бирюкова – русскоязычная адаптация опросника NEO-FFI, сокращенного варианта методики NEO PI-R. Опросник базируется на 5-факторной модели, которая рассматривается многими современными теоретиками как основа адекватного понимания структуры личности и диагностирует выраженность пяти основных характеристик личности: это нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, склонность к согласию (сотрудничество), добросовестность.

Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью статистических методов (с использованием статистического пакета SPSS v.10): корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Пирсона, кластерного анализа (методом межгрупповой связи Between Groups Linkage), регрессионного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Среднее значение общего балла по Миссисипской шкале (военный вариант) для описываемой выборки составило $69,93 \pm 14,15$. В целом полученные данные значимо не отличаются от нормативных. 20% испытуемых от общего числа исследуемых лиц (31 человек) были отнесены к группе «Выраженный ПТС» в связи с полученными ими высокими значениями показателя выраженности посттравматического стресса (ПТС): среднее значение общего балла в этой группе исследуемых составило $92,13 \pm 9,83$ балла, что соответствует среднему значению по группе «ПТСР», полученному в исследованиях Лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН (Практикум..., 2001).

Результаты корреляционного анализа указывают на наличие значимой, но невысокой отрицательной корреляции между выраженностью признаков посттравматического стресса и интеллектуальными показателями: количеством правильных -ответов за единицу времени (общий балл по методике СПМ Равена: $r = -0,213, p \leq 0,01$) и сложностью выполненных задач ($r = -0,180, p \leq 0,01$).

Связь между нейротизмом и общим баллом по методике СПМ Равена обнаружена на уровне тенденции ($r = -0,138, p = 0,088$), значимой взаимосвязи между нейротизмом и сложностью выполненных задач по всей выборке выявлено не было ($r = -0,111, p = 0,168$).

Для проверки гипотезы о связи интеллекта и выраженности посттравматического стресса в зависимости от уровня нейротизма выборка была поделена на две группы (см. табл. 1). Деление осуществлялось по медиане (15 баллов по шкале «Нейротизм» 5-факторного Личностного опросника), группы получили название «Низкий нейротизм» и «Высокий нейротизм».

Таблица 1. Описательная статистика по уровню нейротизма в группах «Высокий нейротизм» и «Низкий нейротизм»

Группы	M	SD	Md
«Низкий нейротизм» (N = 78)	11,23	2,90	11,5
«Высокий нейротизм» (N = 77)	21,40	5,59	19
Общая выборка (N = 155)	16,28	6,76	15

Далее в указанных группах был проведен корреляционный анализ показателей уровня выраженности признаков посттравматического стресса и интеллектуальных показателей. В группе респондентов с низким уровнем нейротизма взаимосвязь между интеллектуальными показателями (общий балл и сложность выполненных задач по методике СПМ Равена) и выраженностью признаков посттравматического стресса не обнаружена. В то же время в группе респондентов с высоким уровнем нейротизма отмечена значимая обратная корреляция между этими показателями.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции r Пирсона между выраженностью признаков посттравматического стресса и интеллектуальными показателями (по тесту Равена)

Группы	Уровень ПТС и общий балл по тесту Равена	Уровень ПТС и сложность выполненных задач теста Равена
«Низкий нейротизм» (N = 78)	-0,040	-0,030
«Высокий нейротизм» (N = 77)	-0,370**	-0,310**
Общая выборка (N = 155)	-0,213**	-0,180**

Примеч.: ** – уровень достоверности $p \leq 0,01$.

Таким образом, показано, что у лиц с низким уровнем нейротизма интеллект не связан с выраженностью признаков посттравматического стресса. Для лиц же с высокой негативной эмоциональностью травматическое воздействие оказывается более интенсивным и с большей вероятностью может привести к возникновению негативных последствий, а потому процесс совладания с посттравматическим стрессом требует больших ресурсов. У испытуемых с высокой негативной эмоциональностью интеллект включается в процесс совладания с боевым стрессом. Лица с более высоким интеллектом эффективнее перерабатывают травматический опыт. При сочетании высокого уровня нейротизма и низких показателей интеллекта процесс совладания с травматическим стрессом протекает менее успешно.

Полученные данные прошли дополнительную статистическую обработку методом кластерного анализа. Цель проведения кластерного анализа состояла в разбиении общей выборки испытуемых на группы по двум признакам: нейротизм и интеллект. В качестве алгоритма кластеризации данных использовался метод средней связи (или межгрупповой связи Between Groups Linkage). В результате было выделено четыре субгруппы (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты кластерного анализа: описательная статистика

	N	%	Нейротизм M±SD	Интеллект M±SD	ПТС M±SD
Кластер 1	6	3,9	32,67±3,98	28,5±4,59	105,0±10,53
Кластер 2	12	7,8	14,33±4,27	26,42±4,83	69,42±12,54
Кластер 3	14	9,0	28,29±4,30	43,79±4,61	81,21±15,39
Кластер 4	123	79,3	14,31±4,40	43,19±5,49	66,98±11,17

Как видно из таблицы, кластер 1 составили испытуемые с высоким уровнем нейротизма и низким уровнем интеллекта, кластер 2 – с низким уровнем нейротизма и низким уровнем интеллекта, кластер 3 – с высоким уровнем нейротизма и высоким уровнем интеллекта, в кластер 4 вошли испытуемые с низким уровнем нейротизма и высоким уровнем интеллекта. Количество исследуемых, составивших последний кластер, показывает, что в целом большинство участников исследования сходны по параметрам нейротизма и интеллекта, в выборку не вошли лица с крайне низкими или крайне высокими значениями этих показателей. Испытуемые, вошедшие в кластер 1 и кластер 3, являются некоей группой риска, т.е. характеризуются высоким уровнем нейротизма при различном уровне интеллекта.

У лиц с низким уровнем нейротизма вне зависимости от уровня интеллекта значение посттравматического стресса ниже, чем у испытуемых с высоким уровнем нейротизма. Наиболее высокий уровень посттравматического стресса наблюдается в группе испытуемых с высоким уровнем нейротизма и низким уровнем интеллекта.

При построении комплексной модели взаимного влияния интеллектуальных, личностных и ценностно-смысловых характеристик ветеранов на выраженность посттравматического стресса (применялся регрессионный анализ; см.: Лочехина, 2008) одним из основных ее параметров стал уровень общего интеллекта как для всей выборки в целом (β -коэффициент = -0,124), так и для группы ветеранов с высоким уровнем нейротизма (β -коэффициент = -0,217).

Таким образом, в настоящем исследовании была статистически подтверждена основная гипотеза о роли интеллекта как ресурса совладания с посттравматическим стрессом.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования показали, что ветераны с выраженным посттравматическим стрессом отличаются от остальных участников боевых действий более высоким уровнем нейротизма. Полученные данные согласуются с данными отечественных и зарубежных ученых (см., напр.: Pitman et al., 1999), а также с представлениями Г. Айзенка о том, что черта «нейротизм/уровневенность» отражает индивидуальные различия в интенсивности негативных аффективных переживаний: индивиды, отличающиеся высоким уровнем нейротизма, существенно чаще, чем уравновешенные люди, сообщают о собственных негативных аффективных переживаниях (Айзенк Г., Айзенк М., 2001). Лица с высокой степенью нейротизма, по всей видимости, реагируют на травматический опыт более интенсивно, следовательно, им требуется больше ресурсов для совладания с травмой. Таким образом, поскольку индивиды с высокой негативной эмоциональностью хуже справляются с посттравматическим стрессом, то им требуется больше ресурсов для его преодоления, в качестве одного из которых может выступать именно уровень общего интеллекта.

Анализ данных исследования подтвердил, что выраженность посттравматического стресса и уровень интеллекта значимо коррелируют друг с другом. При этом общий интеллект опосредует связь нейротизма с выраженностью посттравматического стресса. Индивиды с низким уровнем нейротизма являются эмоционально более устойчивыми к воздействиям стрессогенных факторов. Лица с высоким уровнем нейротизма отличаются способностью к интенсивным и сверхинтенсивным реакциям на травматические события, и потому интеллект у таких индивидов выступает в качестве дополнительного ресурса совладания со стрессом.

Поскольку диагностика психометрического интеллекта с помощью теста Равена позволила определить не только параметры общего интеллектуального уровня исследуемой группы лиц, но также показатели их способности к самообучению, их «потенциал обучаемости», то мы можем равным образом говорить и об имплицитной обучаемости как факторе совладания с посттравматическим стрессом. Согласно концепции ментального опыта М.А. Холодной, в особенностях имплицитной обучаемости проявляется действие произвольного интеллектуального контроля – компонента метакогнитивного опыта (Холодная, 2002), который и может позволить, в нашем случае, участнику боевых действий не только совладать с травматическим стрессом, но и осознать травматический опыт как трансформационный период общего жизненного цикла.

Возможность сознательного умственного манипулирования элементами проблемной ситуации позволяет увидеть проблему с разных ракурсов, найти новые подходы к ее решению, определить те ресурсы, которые помогут с ней справиться. Вероятно, интеллект позволяет и уже имеющиеся у индивида ресурсы совладания осознать в принципиально новом ключе. С точки зрения онтологической теории интеллекта успешность совладания с травмой лиц, обладающих более развитым интеллектом, может быть объяснена действием механизма произвольного интеллектуального контроля, составляющей метакогнитивного опыта субъекта. По мнению М.А. Холодной, открытая познавательная позиция как следствие хорошо организованного метакогнитивного опыта позволяет индивиду использовать более широкий спектр способов совладания с трудной ситуацией (Холодная, 2009).

Остается открытым вопрос о том, приводит ли посттравматический стресс к снижению когнитивного функционирования или же высокий уровень дотравматического интеллекта предрасполагает к более успешному совладанию с травмой. В настоящем исследовании отсутствовала возможность оценки уровня интеллекта ветеранов до их участия в боевых действиях, но мы располагаем данными американских исследователей о взаимосвязи интеллекта ветеранов войн до их участия в боевых действиях, текущего интеллекта и выраженности симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) (Macklin et al., 1998). Авторы исследования показали, что низкий дотравматический интеллект увеличивает риск развития симптомов ПТСР. Таким образом, можно предполагать, что для лиц с высоким уровнем нейротизма интеллект действительно является предиктором выраженности посттравматического стресса.

Полученные результаты подтверждают данные зарубежных исследований о ресурсной роли интеллекта в совладании с посттравматическим стрессом, которая более значима для индивидов с высокой негативной эмоциональностью. Полученные данные свидетельствуют о связи интеллекта и аффекта, а также о системном строении адаптационных ресурсов человека.

Выводы

1. Уровень интеллекта отрицательно связан с выраженностью посттравматического стресса.
2. Уровень психометрического интеллекта опосредует взаимосвязь выраженности посттравматического стресса и нейротизма: для лиц с высокой негативной эмоциональностью интеллектуальный ресурс имеет большее значение в совладании с травмой, чем для лиц с низким уровнем нейротизма.

Литература

- Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999.
- Айзенк Г., Айзенк М. Исследования человеческой психики. М.: Изд. ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Александровский А.А. Интеллектуальный ресурс и проблема продуктивности копинг-стратегий // Психология совладающего поведения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред.: Е. А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. С. 72–73.
- Бодров В.А. Психологический стресс: процессы, ресурсы, стратегии и стили преодоления // Психотерапия. 2005. № 11. С. 28–33.
- Бодров В.А. Проблема преодоления стресса. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006а. Т. 27. № 2. С. 113–123.
- Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2006б.
- Вигура Е.А. Методический подход к формированию позитивной активности личности в негативных условиях деятельности // Проблемы психологии и эргономики / Под ред. Е. А. Вигура, В. М. Львова. 2003. № 3. С. 47.
- Виноградова Л.В. Интеллектуальный контроль как способ интерпретации эмоционально-трудных жизненных ситуаций // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 21–28.
- Виноградова Л.В. Теоретические и методические проблемы исследования метакогнитивных аспектов ментального опыта // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы науч. конф., посвящ. памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2010. С. 207–214.
- Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы ресурсной модели общего интеллекта // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 51–64.
- Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач и задач-головоломок // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 21–29.
- Дружинин В.Н. Психология общих способностей. Изд. 3-е. СПб.: Питер, 2007.
- Лочехина Л.И. Интеллект и личностные характеристики как предикторы выраженности посттравматического стресса у ветеранов боевых действий // Психология – наука будущего: Материалы II Международ. конф. молодых ученых, 30–31 октября 2008 года, Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, А. С. Обухова. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2008. С. 247–249.
- Лочехина Л.И. Связь посттравматического стресса с интеллектом и смысло-ценностными ориентациями [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.03.2012).
- Практикум по психологии посттравматического стресса / Под ред. Н. В. Тарабриной. СПб.: Питер, 2001.
- Равен Дж.К. Стандартные Прогрессивные Матрицы. М.: «Когито-Центр», 2001.
- Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. Раздел 1. Общая часть руководства: Пер. с англ. М.: «Когито-Центр», 1997.
- Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. Раздел 3. Стандартные Прогрессивные Матрицы (включая Параллельные и Плюс версии): Пер. с англ. М.: «Когито-Центр», 2002.
- Тарабрина Н.В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 5–18.
- Хазова С.А. Креативность: ресурс или фактор риска? // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы науч. конф., посвящ. памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2010. С. 267–277.
- Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

- Холодная М. А. Интеллект как ресурс совладающего поведения [Электронный ресурс]: видеозапись доклада на Ежегодной итоговой научной сессии ИП РАН (2008) [12.02.2009]. URL: http://www.univertv.ru/video/psihologiya/obwaya_i_kognitivnaya_psihologiya/intellekt_kak_resurs_sovladayuwego_povedeniya/ (data obrashhenija: 10.10.2010).
- Brewin C.R., Dalgleich T., Joseph S. A dual representation theory of posttraumatic stress disorder // *Psychological Review*. 1996. V. 103. № 4. P. 670–686.
- Ehlers A., Clark D.M. A cognitive model of posttraumatic stress disorder // *Behaviour Research and Therapy*. 2000. V. 38. P. 319–345.
- Ehring T., Ehlers A., Glucksman E. Do cognitive models help in predicting the severity of posttraumatic stress disorder, phobia, and depression after motor vehicle accidents? A prospective longitudinal study // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2008. V. 76. № 2. P. 219–230.
- Gilbertson M. W., Paulus L.A., Williston S.K., Gurvits T. V., Lasko N.B., Pitman R.K., Orr S.P. Neurocognitive function in monozygotic twins discordant for combat exposure: Relationship to posttraumatic stress disorder // *Journal of Abnormal Psychology*. 2006. № 115. P. 484–495.
- Halligan S.L., Clark D.M., Ehlers A. Cognitive processing, memory, and the development of PTSD symptoms: Two experimental analogue studies // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychology*. 2002. V. 33. P. 73–89.
- Halligan S.L., Michael T., Clark D.M., Ehlers A. Posttraumatic stress disorder following assault: The role of cognitive processing, trauma memory, and appraisals // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2003. V. 71. № 3. P. 419–431.
- Hart J.Jr., Kimbrell T., Fauver P., Cherry B.J., Pitcock J., Booe L.Q., Tillman G., Freeman T.W. Cognitive dysfunctions associated with PTSD: evidence from World War II Prisoners of War // *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 2008. № 20. P. 309–316.
- Horner M.D., Hamner M.B. Neurocognitive functioning in posttraumatic stress disorder // *Neuropsychology Review*. 2002. № 12. P. 15–30.
- Horowitz M.J. Stress response syndromes. New York: Jason Aronson, 1976.
- Macklin M.L., Metzger L.J., Litz B.T., McNally R.J., Lasko N.B., Orr S.P., Pitman R.K. Lower precombat intelligence is a risk factor for posttraumatic stress disorder // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1998. V. 66. № 2. P. 323–326.
- McNally R.J. Cognitive abnormalities in post-traumatic stress disorder // *Trends in Cognitive Sciences*. 2006. V. 10. № 6. P. 271–277.
- McNally R.J., Shin L.M. Association of intelligence with severity of posttraumatic stress disorder symptoms in Vietnam combat veterans // *American Journal of Psychiatry*. 1995. № 152. P. 936–938.
- Murray J., Ehlers A., Mayou R.A. Dissociation and posttraumatic stress disorder: Two prospective studies of road traffic accident survivors // *British Journal of Psychiatry*. 2002. V. 180. P. 363–368.
- Pitman R.K., Shalev A. Y., Orr S.P. Posttraumatic Stress Disorder: Emotion, Conditioning & Memory // *The Cognitive Neurosciences*. 2 nd. ed. Mass, MIT Press. 1999. P. 1133–1147.
- Van der Kolk B.A., Fisler R. Dissociation and the fragmentary nature of traumatic memories: Overview and exploratory study // *Journal of Traumatic Stress*. 1995. V. 8. P. 505–525.
- Vasterling J.J., Brailey K., Constans J.I., Sutker P.B. Attention and memory dysfunction in posttraumatic stress disorder // *Neuropsychology*. 1998. № 12. P. 125–133.
- Vasterling J.J., Duke L.M., Brailey K., Constans J.I., Allain A.N. Jr., Sutker P.B. Attention, Learning, and Memory Performances and Intellectual Resources in Vietnam Veterans: PTSD and No Disorder Comparisons // *Neuropsychology*. 2002. V. 16. № 1. P. 5–14.
- Wong P.T. Effective management of life stress: The resource-congruence model // *Stress Medicine*. 1993. V. 9. № 3. P. 51–60.
- Yehuda R., Golier J.A., Halligan S.L., Harvey P.D. Learning and memory in Holocaust survivors with posttraumatic stress disorder // *Society of Biological Psychiatry*. 2004. № 55. P. 291–295.

INTELLIGENCE AS A RESOURCE OF COPING WITH POST-TRAUMATIC STRESS

LOCHEKHINA L.I., Arkhangelsk Regional Psychoneurologic Dispensary, Arkhangelsk, Institute of Psychology, RAS, Moscow

PADUN M.A., Institute of Psychology, RAS, Moscow

The present work is devoted to the study of intelligence as one of the coping resources to overcome the effects of post-traumatic stress arising from participation in hostilities. The study shows that general intelligence negatively correlates with the severity of symptoms of post-traumatic stress. The level of intelligence is the mediating link between the level of severity of post-traumatic stress and the level of neuroticism, thus, the level of general intelligence as a resource for coping with stress is a critical factor for the individuals with high negative emotionality.

Keywords: posttraumatic stress, intelligence, neuroticism

Transliteration of the Russian references

- Ajzenk G., Ju.* Структура личности. SPb.: Juventa; M.: KSP+, 1999.
- Ajzenk G., Ajzenk M.* Исследование челoveческой психики. М.: Изд. JeKSMO-Press, 2001.
- Aleksapol'skij A.A.* Интеллектуальный ресурс и проблема продуктивности coping-стратегий // Психология совладательного поведения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред.: E. A. Sergienko, T. L. Krjukova. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2007. S. 72–73.
- Bodrov V.A.* Психологический стресс: процессы, ресурсы, стратегии и стили преодоления // Психотерапия. 2005. № 11. S. 28–33.
- Bodrov V.A.* Проблема преодоления стресса. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006 а. Т. 27. № 2. S. 113–123.
- Bodrov V.A.* Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2006 б.
- Vigura E.A.* Методический подход к формированию позитивной активности личности в негативных условиях деятельности // Проблемы психологии и эргономики / Под ред. E. A. Vigura, V.M. L'vova. 2003. № 3. S. 47.
- Vinogradova L.V.* Интеллектуальный контроль как способ интерпретации эмоционально-трудных жизненных ситуаций // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. S. 21–28.
- Vinogradova L.V.* Теоретические и методические проблемы исследования метакогнитивных аспектов ментального опыта // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы науч. конф., посвящ. памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, IP РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2010. S. 207–214.
- Gorjunova N.B., Druzhinin V.N.* Операциональные дескрипторы ресурсной модели обwegого интеллекта // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. S. 51–64.
- Gorjunova N.B., Druzhinin V.N.* Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач и задач-головоломок // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. S. 21–29.
- Druzhinin V.N.* Психология обwegих способностей. Изд. 3-е. SPb.: Piter, 2007.
- Lochekhina L.I.* Интеллект и личностные характеристики как предикторы выраженности посттравматического стресса у ветеранов боевх действий // Психология – наука будущего: Материалы II Международ. конф. молодых ученых, 30–31 октября 2008 года, Москва / Под ред. A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko, A. S. Obuhova. М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2008. S. 247–249.

Lochekina L.I. Svjaz' posttravmaticheskogo stressa s intellektom i smyslo-cennostnymi orientacijami [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. 2010. N 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 18.03.2012).

Praktikum po psihologii posttravmaticheskogo stressa / Pod red. N. V. Tarabrinoj. SPb.: Piter, 2001.

Raven Dzh.K. Standartnye Progressivnye Matricy. M.: «Kogito-Centr», 2001.

Raven Dzh.K., Kurt Dzh.H., Raven Dzh. Rukovodstvo k Progressivnym Matricam Ravena i Slovarnym Shkalam. Razdel 1. Obwaja chast' rukovodstva: Per. s angl. M.: «Kogito-Centr», 1997.

Raven Dzh.K., Kurt Dzh.H., Raven Dzh. Rukovodstvo k Progressivnym Matricam Ravena i Slovarnym Shkalam. Razdel 3. Standartnye Progressivnye Matricy (vkljuchaja Parallel'nye i Pljus versii): Per. s angl. M.: «Kogito-Centr», 2002.

Tarabrina N.V. Osnovnye itogi i perspektivnye napravlenija issledovanij posttravmaticheskogo stressa // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24. № 4. S. 5–18.

Hazova S.A. Kreativnost': resurs ili faktor riska? // Psihologija intelekta i tvorchestva: Tradicii i innovacii: Materialy nauch. konf., posvjaw. pamjati Ja.A. Ponomareva i V.N. Druzhinina, IP RAN, 7–8 oktjabrja 2010 g. M.: Izd. «Institut psihologii RAN», 2010. S. 267–277.

Holodnaja M.A. Psihologija intelekta: Paradoksy issledovanija. SPb.: Piter, 2002.

Holodnaja M.A. Intellekt kak resurs sovladajuwego povedenija [Jelektronnyj resurs]: videozapis' doklada na Ezhegodnoj itogovoj nauchnoj sessii IP RAN (2008) [12.02.2009]. URL: http://www.univertv.ru/video/psihologiya/obwaya_i_kognitivnaya_psihologiya/intellekt_kak_resurs_sovladayuwego_povedeniya/ (data obrashhenija: 10.10.2010).